

НАРРАТИВ КАК СТРАТЕГИЯ И ПРАКТИКА ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ОБНОВЛЕНИЯ МЕТОДОЛОГИИ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Центр исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г.М. Доброва НАН Украины

Рассмотрена специфика концепта постмодерна «нарратив» и последствия его экспансии в социогуманитарное знание.

Введение

Постмодернистские новации заметно меняют облик социогуманитарного знания. Смена познавательных ориентиров выражается в пересмотре картезианско-ньютоновских представлений о способах получения и верификации знания. Происходит переистолкование семантики понятий «наука», «вера», «знание», «теория», «метод». Внимание исследователей сосредоточивается на специальном изучении процессов саморефлексии, интеллектуального творчества, форм языка, письма и речи, вербальных и невербальных текстов. Релятивизация и историзация понятия «знание» способствуют складыванию иного отношения к самому логико-нормативному стандарту научности.

Анализ исследований и публикаций

Тема нарративизации социогуманитарного знания интенсивно обсуждается в литературе, начиная с Х. Уайта, Ж.-Ф. Лиотара, Р. Барт, Х.-Г. Гадамера, П. Рикёра. Для оформления идеи этой публикации имели значение цитируемые работы Брокмейера Й., Харре Р., Д. Карра, И.В. Троцук, И.В. Янкова, В.Н. Сырова и многих других авторов.

Постановка задачи

Целью публикации является стремление выразить суть нарративного подхода к трансформации социогуманитарного знания.

Основная часть

Нарратив (англ. *narrative*) – рассказ, повествование. Теория нарратива изучает строение сюжетных повествований и общие законы сюжетосложения. Основы нарратологии были заложены Аристотелем в учении о «повествовании» как о «подражании действию», заключающемся в «упорядочении фактов» [1]. Большое значение для современного понимания нарратива имела концепция «нарративной истории» А. Тойнби, согласно которой смысл исторического события не столько существует «объективно», сколько возникает в контексте рассказа о событии и имманентно связан с личностной интерпретацией. Нарратив – это любой текст, сообщающий о каком-либо событии или о цепи событий и задающий самой последовательностью изложения, расстановкой акцентов ту или иную интерпретацию сообщаемого. Такие высказывания имеют место не только в художественной литературе, где они лучше всего изучены, но и в любой другой сфере человеческой культуры: свои нарративы характерны для религиозного дискурса, дискурсов воспитания и образования, науки, публицистики, политики, масс-медиа и т.п.

Нарратив представляет собой важнейший механизм упорядочения человеческого опыта, способ понимания и объяснения действительности. В отличие от философских и научных процедур, «нар-

ративное знание» доступно обыденному сознанию и потому имеет универсальное распространение – не только в жизненной практике, но и в литературе, философии, антропологии, историографии, социологии, психотерапии, юриспруденции и др.

В нарративе проявляется характер, эмоциональные состояния говорящего, его «стратегия», т.е. воздействие на читателя или слушателя. В нарративе важна не столько сама история, сколько точка зрения автора истории и средства удержания внимания, заинтересованности и включенности собеседника, который выступает в качестве соавтора нарратива.

Начало «нарративного поворота» в социогуманитарном знании, суть которого связана с утверждением, что функционирование различных форм знания можно понять только через рассмотрение их нарративной, повествовательной, природы, хронологически относят к 80-м годам XX в. В логическом плане идеи нарратива дополнили требование «лингвистического поворота» считать исследования в области социальных, политических, психологических и культурных проблем языковыми. Развитие этих идей привело не только к возникновению специальной дисциплины – нарратологии – со своим категориальным аппаратом, но и обнаружило значительную экспансию в область широкого ареала социально-гуманитарных наук и даже в область естествознания.

Хотя обсуждение нарративных практик имеет многовековую традицию, в современной философии нарратив – понятие философии постмодерна, фиксирующее процессуальность самоосуществления как способ бытия текста. Идея привнесенности смысла в качестве основополагающей ложится в фундамент постмодернистской концепции значения. Текст в постмодернизме не рассматривается с точки зрения презентации в нем исходного объективного наличного смысла, текст лишь возвращает субъекту привнесенный им смысл. Нарративная процедура «творит реальность», одновременно утверждая ее относительность и свою «независимость» от сотворенного смысла. «Повествовательная стратегия» постмодернизма есть радикальный отказ от реализма во всех возможных его интерпретациях. Подлинная свобода реализует себя в постмодернизме посредством нарративных практик. Нарратив автора в процессе чтения снимается нарративом читателя, по-новому центрирующего и означающего текст. Чтение никогда не бывает объективным процессом обнаружения смысла, но вкладыванием смысла в текст, который сам по себе не имеет никакого смысла. Текст как нарратив – это рассказ, который всегда может быть рассказан по-иному. Ж.-Ф. Лиотар определяет модернизм как ку-

льтуру «больших нарративов» («метанарративов»), определенных социокультурных доминант, своего рода властных установок, объективирующихся не только в социальных институтах и структурах, но задающих легитимизацию того или иного (но обязательно одного) типа рациональности и языка. В качестве таких детерминирующих векторов, организующих культуру модернизма, выступают такие «великие истории» («метарассказы»), как идея прогресса, идеалы Просвещения, гуманизм свободы личности, гегелевская диалектика духа и т.п. В отличие от этого постмодерн постулирует принципиальный плюрализм возможных нарративов, вариативность рациональностей, языковые игры как альтернативу языку. Тем самым постмодерн осуществляет радикальный отказ от самой идеи традиции: ни одна из возможных форм рациональности, ни одна языковая игра, ни один нарратив не могут быть нормативной «метанарративом». Постмодерн отвергает все метаповествования, все системы объяснения мира, заменяя их плюрализмом «фрагментарного опыта». Идеалом культурного творчества, стиля мышления и стиля жизни становится в постмодерне коллаж как условие возможности плюралистического означивания бытия. Постмодерн в своей стратегической коллажности, программной нестабильности и фундаментальной иронии основан на отказе от самообмана и ложного постулирования возможности выразить в индивидуальных усилиях семантическую бесконечность сущности бытия [2].

«Нарративный поворот» означает прежде всего отказ от идеала исчерпывающего знания и принятие идеи нестабильности, исключение детерминизма и признание темпоральности интерпретаций моделей. Понимание нарратива в постмодернизме согласуется и коррелирует с современным толкованием познания, представленным, например, в трактовке И.Т.Касавина [3], как категория, описывающая процесс построения идеальных планов деятельности и общения, создания знаково-символических систем, опосредующих взаимодействие человека с миром и другими людьми в ходе синтеза различных контекстов опыта. Хотя познание и требует для своего понимания чего-то принципиально и субстанциально иного – «реальности», «объекта», «материи», но оно может быть понято как самостоятельная идеальная реальность, обладающая внутренней динамикой и источниками развития. Как самостоятельная реальность, познание пронизывает все аспекты человеческого мира и лишь в абстракции может быть выделено из него. Познание – это процесс, сопровождающий деятельность и общение людей и выполняющий функцию их обеспечения идеальным образом. Познание не является отражением реальности вне человека и человечества, но имеет дело лишь с содержанием коллективной деятельности и общения, поскольку последние нуждаются для своей организации в идеальных, возможных, пробных, приблизительных, вариативных моделях. Знание как результат познания возникает из иных контекстов опыта, нуждающихся в знании.

Динамика процесса порождения знания, векторность, интенциональность познания, связанная с

исследовательской, поисковой установкой на расширение сферы идеальных конструктов, есть то, что отличает его от сознания. Основным содержанием познания в его относительной самостоятельности становится создание и замена одних идеальных образов и объектов другими в форме создания аналоговых моделей. Тем самым обеспечивается возможность обмена между разными контекстами опыта: между объективным и субъективным, бытийственным и мыслимым (чувственной информации предпосылаются понятийные схемы, на последние накладывается чувственное содержание), эмоции взаимодействуют с рассудком, аналитическая рефлексия – со стихийным и неосознаваемым опытом, прошлое соотносится с настоящим и будущим, близкое – с далеким, известное – с неизвестным, упорядоченное – с хаотичным. В центре познавательного процесса находится проблема взаимоотношения смысла и значения. Путь познания – это движение от локальных и стандартных контекстов опыта ко все более разнообразным и универсальным, причем чувственные и рассудочные элементы присутствуют на каждом этапе. Функция познания состоит в наложении на мир сети обозначений – научных формул, нравственных норм, художественных образов, магических символов, позволяющих человеку упорядочить свое бытие в нем и так структурировать свою психику, чтобы придать ей мобильность и вариативность, обеспечивая тем самым возможность деятельности и общения. Познание – это внесение смысла в опыт, постижение порядка в хаосе, безусловного в условном, априорного в апостериорном, трансцендентального в эмпирическом, идеального в реальном.

На протяжении двух последних десятилетий нарратив стал предметом множества новых исследований, причем речь идет не просто о новом эмпирическом объекте анализа, а именно о новом теоретическом подходе, новом жанре в философии науки. Как справедливо отмечают Й.Брокмейер и Р.Харре, возрастающий интерес к изучению нарратива означает появление еще одной разновидности стремления к созданию «новой парадигмы» и дальнейшего усовершенствования постпозитивистского метода в философии науки. Это следует рассматривать как часть значительных тектонических сдвигов в культурологической архитектуре знания, сопровождающих кризис модернистской эпистемы. В большинстве гуманитарных дисциплин позитивистская философия, которая вела к серьезным искажениям в понимании науки, подверглась резкой критике, что открыло новые горизонты для интерпретативных исследований, фокусирующихся на социальных, дискурсивных и культурных формах, противостоящих бесплодным поискам законов человеческого поведения [4]. Эти же авторы полагают, что проблема объяснения динамических образцов человеческого поведения представляется более близкой к своему разрешению через исследование нарратива, чем посредством таких хорошо известных подходов как использование функционально-ролевой модели.

Известен тезис Д.Карра, положенный в основу его книги «Время, нарратив и история», что черты

нарративной структуры пропитывают наше социальное существование вне зависимости от их воплощенности в текстах историков и художников [5].

Нарративный подход рассматривает множество ситуации, действий, поступков, событий, лиц как аморфный материал для отбора и нарративной обработки с целью организации их в смысловое целое. Сюжет превращает бесконечно ветвящиеся цепочки жизненных событий в событийное единство, которое определяется его финалистской, телеологической логикой, т.е. способом его завершения. Всякий сюжет строится не от начала к концу, а от конца к началу; его «развязка», будучи задана семантикой данного произведения, жанра, направления и т.п. еще до того, как рассказчик приступил к повествованию, заставляет его подбирать такие события и их последствия, которые с необходимостью ведут к данному финалу.

Нарративы создают новое отношение к миру, предполагающее сближение деятельности ученого и литератора. Для них характерен перенос акцента с обоснования знания на использование прагматических приемов. Научный дискурс рассматривается, по словам Ж.-Ф.Лиотара, всего лишь как разновидность в семье нарративных культур [6, с. 69-70].

Одновременно осуществляется перенос интересов науки с анализа объективных социальных явлений на исследование субъективности в связи с осознанием человека как активного социального субъекта, под влиянием которого осуществляются основные преобразования как в макро-, так и в микромире. Это ставит под сомнение саму возможность строгого и беспристрастного научного познания, открывающего единую для всех истину.

При рассмотрении нарративной проблематики постмодерн указал на принципиальную невозможность однозначной оценки текстов как основного объекта сознания и познания и опосредованность отношения текстовой реальности к «отображаемому» ею внешнему миру. Поскольку множество людей порождает множество интерпретаций, вместо построения теоретической модели по заданным правилам исследователю предстоит изучить социальный мир в его фрагментарном состоянии. Отсюда трактовка сознания как совокупности текстов, признание возможности множественной интерпретации каждого текста и видение общества и культуры как единства размытых, децентрированных структур, деконструкция как метод выявления внутренней противоречивости текста и обнаружение в нем скрытых «остаточных смыслов», закреплённых в языке в форме неосознаваемых стереотипов. Если раньше ученый стремился занять позицию стороннего, объективного наблюдателя, то теперь его деятельность характеризует включенность в социальное и лингвистическое конструирование повседневной жизни. Это позволило постмодерну утверждать неизбежность многовариантного и бесконечного интерпретативного процесса и эпистемологический приоритет обыденного знания, где особую роль играет нарратив.

Перечисленные тенденции обусловили обращение исследователей разных областей знания к нарративу как к определяющему методологическому принципу познания индивидуальных и социальных

практик [7]. Посредством нарратива, или повествования, мы придаем практикам форму и смысл, упорядочиваем наш опыт темпорально и логически, выделяя в нем начало, середину, конец и центральную тему. Нарративы повсеместны как механизм организации человеческого опыта, локальны в силу исторически конкретных путей их восприятия, обладают социальной инструментальностью и прагматическим потенциалом.

Нарратив - это способ обретения человеком своей идентичности [8] – в нем рассказчик объективирует собственную субъективность. Но одновременно нарратив не только средство самоидентификации, но и способ достижения неких социальных и нарративных целей, что расширяет спектр его функций.

Быстрая экспансия нарративной методологии и нарративных практик в самые разные ареалы социогуманитарного знания свидетельствует прежде всего о их прагматичности и привлекательности новизной и ориентированностью на мир человека. Естественно, что вопрос о пределах применимости нарратива продолжает оставаться актуальным и ответы на него должны быть конкретными в соответствии со спецификой сферы применения.

Учитывая, что преимущества нарратива состоят в том, что он является в высокой степени чувствительным к изменчивой и подвижной природе человеческой реальности и является частью этой реальности, что делает его важным объектом исследования для гуманитарных наук, применимость его следует каждый раз корректировать. Здесь важным является замечание И.Брокмейера и Р.Харре: «...Жанры и формы нарративного знания в высокой степени зависят от того культурного контекста, в котором они используются. Именно культурный канон делает ту или иную специфическую аналогию успешной и интеллигентной. В то же время нарративы действуют как чрезвычайно изменчивые формы посредничества между личностными (с их специфической реальностью) и обобщенными канонами культуры. Рассмотренные под таким углом зрения нарративы являются одновременно моделями мира и моделями собственного «я». Посредством историй мы конструируем себя в качестве части нашего мира... Исследовательские и экспериментальные возможности нарратива сложным образом переплетены с самой нашей изменчивой действительностью – с текучим материалом и символической реальностью наших действий, сознаний и жизни. По-видимому, не последней функцией нарратива является его способность наделять человеческое существование особой открытостью и пластичностью. Таким образом, мотивом – а возможно и лейтмотивом – изучения нарративных реальностей должно быть исследование свойства предельной открытости дискурсивного сознания, а также раскрытие многоликих форм культурного дискурса, в котором оно реализуется» [4, с. 40].

Прогресс нарративной методологии как одной из форм воплощения постмодернистского проекта в психологии, антропологии, социологии, исторической науке, других отраслях социогуманитарного знания есть реальность, с которой приходится считаться и анализировать ее.

Выводы

Фундаментальным утверждением, объясняющим расширение сферы применения нарратива, является тезис о том, что сама реальность носит нарративный характер. Мы производим нарративы потому, что сами нарративно существуем, а степень разнообразия наших повествований зависит от модификаций нарративного существования. Нарративность должна быть присуща человеческому видению мира, действиям, социальным институтам. А для этого надо осуществить процедуру переописания всего поля исследований и практики в концептах нарратологии. В качестве примера В.Н.Сыров показывает, что «... чарующий тезис о том, что настоящее содержит в себе прошлое и будущее, проясняется, если мы настоящее понимаем как структуру, содержащую в себе начало-середину-конец или происхождение-осуществление-цель» [9, с. 23]. Следовательно, программу нарративизации следует понимать как задачу превращения концептов в технологии конструирования социальности.

Список литературы

1. Косиков Г.К. Нарратив // Современная западная

философия. Энциклопедический словарь. – М.: Культурная революция, 2009. – С. 159-160.

2. Можейко М.А. Нарратив // Всемирная энциклопедия философии / Глав. ред. и сост. А.А.Грицанов. – М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001. – С. 669-670.

3. Касавин И.Т. Познание // Новая философская энциклопедия. – Т. 3. – М.: Мысль, 2000. – С. 259–262.

4. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. – 2000. – №3 – С. 29-42.

5. Carr D. Time, Narrative and History. - Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1991. - 189 p.

6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. - СПб., 1998.

7. Троцук И.В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник Рос. ун-та Дружбы народов. - 2005. - № 6-7. - С. 56-74.

8. Янков И.В. Нарратив в историческом освоении действительности: феномен обновления и социокультурный смысл / Дис. канд. филос. наук. - Екатеринбург, 1997. – 15 с.

9. Сыров В.Н. Нарративное производство и современное социальное познание // Социальное знание в поисках идентичности. Фундаментальные стратегии социогуманитарного знания в контексте развития современной науки и философии. - Томск: Водолей, 1999. - С. 20-26.

В.І.Онопрієнко

НАРАТИВ ЯК СТРАТЕГІЯ І ПРАКТИКА ПОСТМОДЕРНОГО ОНОВЛЕННЯ МЕТОДОЛОГІЇ СОЦІОГУМАНІТАРНОГО ЗНАННЯ
Розглянута специфіка концепта постмодерна «нарратив» і наслідки його експансії в соціогуманітарне знання.

V. Onoprienko

THE NARRATIVE AS THE STRATEGY AND PRACTICE OF POSTMODERN RENEWAL OF SOCIAL AND HUMANITARIAN
KNOWLEDGE METHODOLOGY

The peculiarity of postmodern conception “narrative” and its consequences for spreading in social and humanitarian knowledge is observed.

Стаття надійшла до редакції 11.01.2010.

УДК 1 (470+571) (091)

С.В. Сняжков¹, д-р филос. наук, проф.
Е.Ф. Сластенко², канд. филос. наук, проф. НАУ.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.

¹Национальный транспортный университет

²Гуманитарный институт Национального авиационного университета

В статье раскрывается соотношение субъективного и объективного в историческом познании, анализируется роль идеологических установок и концептуальных средств исследования как наиболее важных форм реализации активности субъекта.

Введение

Характерной особенностью истории науки XX века являлось то, что в методологическом анализе на передний план был поставлен создающий научное знание субъект. В новейшей философской литературе глубоко исследовались различные формы социокультурных, мировоззренческих ориентаций субъектов научной деятельности. Результаты такой работы показали, что научное знание оказывается нагруженным различными социальными и общекультурными компонентами, человеческими отношениями, складывающимися между учеными в процессе создания идей, гипотез, концепций. Среди социокультурных детерминант процесса познавательной деятельности особый интерес у философов и историков вызывали ценностные предпосылки, складывающиеся из философских, этических, идеологических принципов, норм и требований.

Постановка задачи

В последние 10-летия XX в. в связи интенсивной разработкой принципа активности субъекта в научном познании в философско-методологической литературе появились исследования, затрагивающие вопрос о творчестве ученого в социальных науках. Анализ данной проблемы в общественном познании предпринимался, как правило, на основе концептуальных схем, выработанных в методологии естественных наук. Это не позволяло более полно сформулировать проблему прежде всего потому, что задачи исследования ограничивались лишь выяснением и описанием возможных форм проявления творческой активности субъекта в историческом познании. Такой подход приводил к формированию односторонних представлений о содержании и результатах познавательной деятельности в социальных исследованиях. Поэтому более перспективным является ана